

RU

Страхобразующая природа русофобского дискурса англоязычных СМИ

Малявин С. Г.

Аннотация. Цель исследования – выявить психолингвистические механизмы формирования экзистенциального страха смерти в русофобском дискурсе англоязычных средств массовой информации. Статья представляет собой междисциплинарное исследование, интегрирующее инструментарий лингвистики и социальной психологии. Анализируя материалы англоязычных СМИ, автор исследует процесс формирования экзистенциального страха через призму ключевых понятий: «русофобия», «страх смерти», «внушение» и «манипуляция сознанием». Теоретической основой исследования выступает Теория управления страхом смерти (Terror Management Theory), на базе которой анализируется взаимодействие языка и психологических установок в процессе конструирования экзистенциального страха в медиа. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые выявлены и систематизированы психолингвистические приемы, используемые в русофобском дискурсе для формирования экзистенциального чувства страха. В работе показано, каким образом языковые средства и дискурсивные стратегии направлены на активацию глубинных психологических механизмов, связанных со страхом смерти и угрозой культурной идентичности. Анализ проводится в рамках интеграции методов лингвистики и социальной психологии, что позволяет не только по-новому интерпретировать содержание русофобского дискурса, но и раскрыть его функциональную направленность как инструмента воздействия на массовое сознание. Результаты научного исследования показывают, что через манипулятивные приемы и техники в русофобском дискурсе осуществляется реализация и усиление страха смерти. Это делает дискурс мощным инструментом манипуляции сознанием и способствует закреплению в массовом сознании тревожных установок, что влияет на формирование идеологически окрашенного восприятия России и оправдание политически мотивированных решений на международной арене.

EN

The fear-generating nature of the Russophobic discourse of English-language media

S. G. Maliavin

Abstract. The aim of this study is to identify the psycholinguistic mechanisms involved in the formation of existential death anxiety within the Russophobic discourse of English-language mass media. The article represents an interdisciplinary investigation that integrates tools from both linguistics and social psychology. By analyzing materials from English-language media outlets, the author explores the process of generating existential fear through the lens of key concepts such as “Russophobia”, “fear of death”, “suggestion”, and “consciousness manipulation”. The theoretical foundation of the study is Terror Management Theory, which serves as the basis for analyzing the interaction between language and psychological predispositions in the construction of existential fear in media discourse. The scientific novelty of the research lies in the fact that, for the first time, psycholinguistic techniques used in Russophobic discourse to evoke existential fear have been identified and systematized. The study demonstrates how linguistic devices and discursive strategies are employed to activate deep psychological mechanisms associated with death anxiety and the perceived threat to cultural identity. The analysis is conducted through the integration of linguistic and social psychological methods, which enables a new interpretation of the content of Russophobic discourse and reveals its functional orientation as a tool for influencing public consciousness. The results of the research show that manipulative techniques and strategies in Russophobic discourse facilitate the induction and reinforcement of death anxiety. This makes the discourse a powerful instrument of consciousness manipulation and contributes to the entrenchment of anxiety-driven attitudes in the public sphere. Consequently, this influences the formation of ideologically charged perceptions of Russia and serves to legitimize politically motivated decisions on the international stage.

Введение

Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом современного языкознания к механизмам воздействия медиадискурса на сознание и эмоциональное состояние адресата, а также научной необходимостью теоретического осмысления феномена экзистенциального страха в медиадискурсе. В условиях усиливающейся роли медиатекста как инструмента формирования массовых представлений особую значимость приобретает изучение языковых стратегий конструирования страха – одной из базовых эмоций, активно эксплуатируемых в современной коммуникации. Экзистенциальный страх как разновидность глубинной тревожности недостаточно изучен в лингвистическом аспекте, несмотря на его выраженную роль в медийном дискурсе, особенно в контексте идеологически окрашенной риторики, направленной на формирование образа врага. Анализ таких речевых практик с позиций медиалингвистики, критического дискурс-анализа и социальной психологии позволяет выявить закономерности речевого воздействия, что особенно важно в свете все более сложных коммуникативных стратегий в цифровую эпоху.

Таким образом, исследование механизмов формирования экзистенциального страха в англоязычном русофобском медиадискурсе представляет собой востребованное научное направление, актуальное как для развития теоретических подходов в лингвистике, так и для практического анализа медиариторики как средства воздействия на общественное сознание.

Для достижения поставленной цели исследования требуется решить следующие задачи:

- раскрыть страхообразующую сущность русофобского дискурса на основе Теории управления страхом смерти;
- выявить потенциал русофобского дискурса в формировании общественных установок и восприятия аудитории;
- установить основные способы транслирования негативных установок в англоязычном русофобском дискурсе.

Для реализации поставленной цели и решения обозначенных задач в статье используются методы, отражающие междисциплинарный характер исследования: для уточнения понятий «русophobia» и «русophobic discourse» применяются контент-анализ и анализ социологических данных; формирование экзистенциального страха исследуется с помощью интерпретативного дискурс-анализа, основанного на Теории управления страхом смерти; манипулятивный потенциал дискурса и его психолингвистические приемы выявляются посредством критического дискурс-анализа.

Материалом для исследования послужили электронные версии газет The New York Times, The Guardian, The Telegraph, The Washington Post, а также новостной ресурс CNN. Исследование охватывает материал с 2020 по 2025 год.

Справочные материалы: словари английского языка *Oxford English Dictionary*, *Merriam-Webster Dictionary*, словарь В. К. Мюллера (2013).

Теоретическую основу исследования составляет корпус работ, посвященных анализу идеологического содержания русофобского дискурса. Русофобский дискурс рассматривается как целенаправленная система негативных смыслов, формирующих образ России и русской идентичности враждебным и деструктивным. Его исследование представлено в трудах таких авторов, как Кара-Мурза (2007), Ильин (2018), Никитин (2017), Рябова (2022), Неменский (2013; 2014), Таньшина (2023a; 2023b), Шафаревич (2005), Ширинянц (2024), где он анализируется как феномен, укорененный в политических, культурных и информационных практиках. Теория управления страхом смерти (Terror Management Theory), разработанная Гринбергом и соавторами (Rosenblatt, Greenberg, Solomon et al., 1989), позволяет интерпретировать русофобский дискурс как механизм активизации экзистенциальных страхов, направленных на консолидацию «своего» сообщества против образа «чужого». Важное место в анализе занимает феномен «образа врага», создаваемый в рамках русофобской риторики, что подробно раскрывается в исследовании Зелинского (2008). Манипулятивная природа данного дискурса рассматривается в трудах Кара-Мурзы (2020), Доценко (1997), Лазарева (2017), а также Дейка (2001), которые подчеркивают, что русophobia функционирует через языковые и когнитивные конструкции, направленные на внедрение предвзятых установок и эмоциональных реакций.

Практическая значимость данного исследования заключается в его потенциале для применения в образовательной и профессиональной сферах. Полученные результаты могут стать фундаментом для создания методик прогнозирования и противодействия манипулятивным техникам, используемым средствами массовой информации через психолингвистические стратегии. Данные работы будут полезны специалистам и студентам, изучающим медиалингвистику, психолингвистику, дискурс-анализ, социолингвистику, конфликтологию, политическую лингвистику, а также социальную и когнитивную психологию. Кроме того, материалы исследования способны обогатить учебные курсы и методические комплексы в гуманитарных вузах, а также стать основой для проведения специализированных семинаров и тренингов, направленных на повышение медиаграмотности и развитие критического мышления у слушателей.

Обсуждение и результаты

В условиях современного информационного общества феномен русophobia все чаще рассматривается не только как элемент политической риторики, но и как глубоко укорененный дискурсивный механизм, выполняющий

функции структурирования коллективного сознания, формирования когнитивных рамок и стабилизации идентичности в условиях экзистенциальной нестабильности. Русофобия в этом контексте утрачивает черты ситуативной реакции и предстает как устойчивый идеологический нарратив, реализуемый через институциональные формы публичного высказывания и массмедийные практики (Ильин, 2018; Кара-Мурза, 2007; Никитин, 2017; Рябова, 2022).

Одним из ключевых направлений анализа русофобии становится рассмотрение феномена в русле антропологических и психологических моделей, объясняющих устойчивость, эмоциональную заряженность и способность к воспроизводству в различных политических и культурных контекстах данного явления. Особенно продуктивной в этом отношении оказывается Теория управления страхом смерти (Terror Management Theory, TMT). Согласно данной теории, основной экзистенциальной проблемой человека является осознание собственной смертности, что вызывает тревогу, способную парализовать волевую и социальную активность. Для преодоления этой тревоги индивид и общество создают устойчивые культурные конструкции – мировоззрения, религии, идеологии, – которые придают смысл жизни и обещают либо буквальное, либо символическое бессмертие (Rosenblatt, Greenberg, Solomon et al., 1989).

Согласно TMT, в условиях усиления чувства экзистенциальной угрозы (например, в периоды кризисов, войн, глобальных изменений) возрастает потребность в укреплении собственной идентичности и одновременной демаркации от «чужого», воспринимаемого как источник разрушения культурного порядка. Именно в этом контексте русофобия приобретает особую значимость: она выступает как инструмент переработки коллективного страха, направляя тревогу на внешний объект – на образ России, символизирующий опасность, непредсказуемость, архаичность и иррациональность.

Согласно наблюдению Ю. С. Степанова, дискурс представляет собой «особое использование языка для выражения особой ментальности и идеологии», формируя при этом собственную «грамматику», отличную от нейтрального употребления (1995, с. 37–38). В этом контексте язык рассматривается не только как отражение социальной реальности, но и как активный инструмент ее конструирования. Так, в русофобском дискурсе формируются устойчивые лексико-семантические паттерны, в которых Россия последовательно репрезентируется в образе источника угрозы: ей приписываются характеристики агрессора, авторитарного или деспотического политического режима, культурной отсталости и моральной девиации (Ильин, 2018; Ширинянц, 2024). Указанные паттерны воспроизводятся и закрепляются посредством политических высказываний, медиатекста и элементов массовой культуры.

Именно в логике TMT русофобский дискурс можно понимать не как реакцию на реальные угрозы, а как стратегию формирования страха – прежде всего экзистенциального. Здесь страх не является следствием, а, напротив, выступает целью. Россия в таком восприятии начинает играть роль архетипического «Иного», несущего разрушение и смерть. Подобное структурирование страха позволяет обществу направить тревожность на внешний объект и тем самым стабилизировать свою культурную и символическую реальность. Это согласуется с идеей И. Нойманна (2004, с. 40), согласно которой образ «Иного» необходим для самоидентификации, поскольку именно через него кристаллизуются границы собственного «Я».

Современные формы русофобии адаптируются к актуальным вызовам и трансформируются в зависимости от политической повестки. Если в XIX веке Россия представлялась деспотической империей, противостоящей просвещенному Западу, а во времена холодной войны – символом коммунистической угрозы, то в XXI веке русофобия вписывается в глобальный нарратив борьбы с «авторитаризмом», «информационной угрозой» и «гибридной войной» (Ильин, 2018; Гуторов, Ширинянц, 2023). При этом сама Россия все чаще представляется не просто геополитическим противником, но экзистенциальным антагонистом – угрозой западной культурной идентичности как таковой.

Подобная структура дискурса формирует устойчивое негативное отношение к России в тех странах, где доминирует западный либеральный медиапоток. Согласно данным исследования, проведенного организацией «Альянс демократий» (<https://allianceofdemocracies.org/about>) в 2022 году, высокий уровень негативного отношения к России зафиксирован в Польше (87%), Украине (80%), Португалии (79%), Швеции (77%), Великобритании и Италии (по 65%), США и Германии (по 62%). В то же время в странах Азии, Африки и Латинской Америки, таких как Индия, Египет или Марокко, преобладает более лояльное или нейтральное отношение к России. Это свидетельствует о том, что русофобия воспроизводится не универсально, а преимущественно в зонах действия западного культурно-информационного дискурса, где внушение страха является частью более широкой стратегии идентификационного контроля.

С позиции TMT подобное программирование представляет собой акт внушения, в ходе которого создается устойчивый образ врага – носителя разрушительной силы, чья инаковость угрожает не просто интересам, а самому смыслу жизни. В этом контексте важным является наблюдение В. Э. Багдасаряна (2016) о различии между терминами «русофобия» и «россиефобия». Хотя последнее точнее отражает враждебность к российскому государству, исследователи (Гуторов, Ширинянц, 2023) подчеркивают, что подобная редукция упускает культурно-этнический аспект – враждебность к русским как носителям иного менталитета, исторического опыта и системы ценностей. Именно этот глубинный компонент, как показывает работа А. В. и С. Е. Туркулец (2023), указывает на русофобию как крайнюю форму стигматизации, коренящуюся в экзистенциальном страхе перед «другим», угрожающим идентичности. Экзистенциальный страх – это глубокий, базовый страх, связанный с осознанием собственной конечности, неопределенности бытия и возможности утраты смысла жизни. Этот страх касается фундаментальных вопросов человеческого существования: смерти, свободы, одиночества и смысла (Yalom, 1980).

С учетом теоретических оснований можно утверждать, что русофобия представляет собой не просто идеологическую установку, но психокультурный феномен, выполняющий страхообразующую функцию. Русофобский дискурс структурирует коллективное сознание, стабилизирует культурную картину мира и канализирует базовые тревоги в управляемые формы страха, проецируя их на образ внешнего врага. Через механизм внушения русофобский дискурс переводит абстрактную и трудно осознаваемую тревогу (утрату идентичности, порядка, смысла) в конкретную форму – страх перед Россией. Поддержание этого страха становится способом внутренней стабилизации западного субъекта, который, сталкиваясь с кризисом идентичности, проецирует угрозу на «другого» как носителя альтернативного мировоззрения и цивилизационного кода.

Применение ТМТ позволяет увидеть в русофобском дискурсе не реакцию на внешнюю политику России, а стратегически выстроенную систему смыслов, направленную на стабилизацию внутреннего мира западной культуры через демонизацию «Иного». В этой связи особую значимость приобретает психологический прием внушения, который выступает не побочным, а центральным механизмом функционирования русофобского дискурса. Внушение здесь проявляется как способ воздействия на массовое сознание, при котором формируется устойчивый, эмоционально насыщенный образ врага – России, воплощающей собой экзистенциальную угрозу. Такой образ не столько отражает объективную реальность, сколько конструирует ее в заданных идеологических рамках, активируя архетипические страхи и направляя тревогу на внешнюю мишень. Именно внушение позволяет придать дискурсу устойчивость, повторяемость и массовую восприимчивость, превращая абстрактное чувство нестабильности и неопределенности в конкретный и осязаемый образ «русской угрозы», противостояние с которой воспринимается как способ сохранения собственного порядка, смысла и идентичности.

С позиции психологии внушение определяется как процесс передачи информации или установки, которая усваивается субъектом не через рациональный анализ, а посредством обхода критического мышления, зачастую на бессознательном уровне. При внушении эмоции и авторитет подачи играют ключевую роль, что позволяет формировать у индивида установки, воспринимаемые им как собственные убеждения, даже без осознанного согласия или логической аргументации (Ухтомский, 2002). Эффективность внушения особенно высока в состоянии эмоциональной уязвимости, тревожности и неопределенности, когда ослаблены механизмы критического осмысления (Зейгарник, 1986). В массовом информационном поле внушение проявляется через повторяющиеся знаки, символы и бинарные оппозиции, которые упрощают восприятие сложных социальных процессов и вызывают устойчивые эмоциональные реакции (Arnheim, 1971). Особую значимость внушение приобретает при апелляции к базовым экзистенциальным страхам, прежде всего – к страху смерти, который является фундаментальной эмоцией, оказывающей глубокое влияние на психику человека.

Мы убеждены, что внушение страха в русофобском дискурсе осуществляется посредством манипулятивного воздействия, в рамках которого активно используются разнообразные манипулятивные техники. Проблематика манипулирования сознанием охватывает широкий круг социальных, политических и психологических процессов и требует междисциплинарного подхода. С середины XX века тема манипуляции стала активно разрабатываться в социологических исследованиях, что обусловлено необходимостью анализа воздействия информации на общественное мнение в условиях развития массовых коммуникаций и медиасреды. Согласно определению, предложенному М. А. Денисовым и Н. В. Хорошевой (2015), манипуляция представляет собой форму психологического воздействия, при которой осуществляется целенаправленное искажение информации. Это определение указывает на искажение как на ключевой элемент процесса, позволяющий воздействовать на восприятие и поведение индивида. В свою очередь, В. И. Левашов (Староверов, Левашов, 2009) определяет манипулирование как скрытую форму управления поведением личности, группы или общества, при которой используются методы подсознательного внушения, направленные на реализацию целей субъекта воздействия, часто противоречащих интересам объекта. Эти определения подчеркивают асимметрию взаимодействия и наличие скрытых мотивов у субъекта, что особенно важно в контексте массмедиа. Более широкое определение дает В. Н. Саенко (2020), отмечая, что манипуляция сознанием – это социальный процесс целенаправленного прямого или косвенного воздействия, носящий частично или полностью скрытый характер, направленный на достижение целей манипулирующего субъекта. Такой подход позволяет рассматривать манипуляцию не только как отдельный акт, но и как длительный, систематически выстраиваемый процесс формирования определенного образа или отношения в массовом сознании.

Актуальность рассмотрения этого явления возрастает в условиях функционирования англоязычных СМИ, где на протяжении последних десятилетий формируется устойчивый русофобский дискурс, в рамках которого образ России представлен как источник угроз, нестабильности и деструктивного влияния на мировой порядок. Внушение страха – один из центральных инструментов этого дискурса, обеспечивающий высокую степень внушаемости аудитории и создающий эмоциональную основу для последующего идеологического закрепления нужных интерпретаций событий.

Социолог Г. М. Шишков (1999) подчеркивает, что манипуляция сознанием направлена на формирование определенной общественной структуры, в рамках которой массовое мышление становится более предсказуемым и поддающимся контролю. По его мнению, омассовление осуществляется как управляемый процесс сверху, предполагающий целенаправленное моделирование социальной среды через информационное воздействие. Это позволяет интерпретировать русофобский дискурс в англоязычных СМИ как элемент долгосрочной стратегии формирования желаемых политических и социальных установок. Особое внимание уделяется фактору скрытности. Как подчеркивает С. Г. Кара-Мурза (2020), эффективность манипуляции напрямую

связана с тем, что она должна оставаться незаметной для объекта. Он определяет манипулирование как психическое воздействие, которое осуществляется тайно и в ущерб интересам тех, на кого оно направлено. Таким образом, ключевым критерием является неосознанность происходящего со стороны манипулируемого, что делает воздействие более устойчивым и менее подверженным критическому осмыслению. Как отмечает Г. Шиллер (1980), манипуляция достигает своей цели только тогда, когда она не воспринимается как таковая. Путем систематического искажения информации и акцентов меняется структура приоритетов в общественном сознании: одни ценности девальвируются, другие – искусственно преувеличиваются. Это позволяет закреплять эмоционально окрашенные установки, которые со временем воспринимаются как рационально обоснованные. Ученый подчеркивает, что успех манипуляции гарантирован, когда манипулируемый верит, что все происходящее – естественно и неизбежно. В этом контексте внушение страха в русофобском дискурсе может рассматриваться как способ формирования иллюзорной действительности, в которой угроза со стороны России представляется очевидной, универсальной и постоянной, независимо от фактических обстоятельств.

Таким образом, внушение страха в рамках русофобского дискурса англоязычных СМИ представляет собой форму социального манипулирования, базирующуюся на скрытом, системном и долговременном воздействии на массовое сознание. Основой такого воздействия выступает информационная коммуникация, направленная на искажение восприятия и формирование эмоционально подкрепленной иллюзии угрозы, где объект воздействия не осознает внешнего вмешательства и, следовательно, оказывается неспособным к самостоятельной критической оценке происходящего.

Манипуляция общественным сознанием посредством медиа является ключевым инструментом формирования политических и социальных настроений. В частности, англоязычные СМИ играют значительную роль в конструировании русофобского дискурса, используя разнообразные манипулятивные приемы и техники, направленные на создание негативного образа России и формирование у аудитории чувства страха, недоверия и враждебности.

Герберт Шиллер (1980) анализирует роль СМИ как инструмента социального контроля, где манипуляция достигается через фрейминг информации и повторение ключевых идей, создающих у аудитории определенную повестку и убеждения. В случае русофобского дискурса медиа активно используют фреймы «агрессивной России» и «угрозы демократии», закрепляя их посредством постоянного повторения и эмоционального подогрева.

Ноам Хомский (2002) обращает внимание на то, что пропаганда в демократическом обществе часто маскируется под объективное освещение, при этом используя такие приемы, как создание образа врага и формирование консенсуса вокруг негативного восприятия. Англоязычные СМИ применяют эти методы, чтобы укрепить у аудитории убеждение в необходимости противодействия России, зачастую игнорируя альтернативные точки зрения и положительные аспекты взаимодействия.

Также важно учитывать психологические механизмы манипуляции, описанные Робертом Чалдини (2006). Его концепции таких техник, как «создание дефицита» (дефицит информации или времени), «апелляция к авторитету» и «социальное доказательство», активно используются в медиа для усиления тревоги и страха, подталкивая аудиторию к принятию определенных установок по отношению к России.

Жак Элюль (2002) в своей работе подчеркивал важность эмоционального воздействия в процессе пропаганды, в частности использования страха как одного из базовых механизмов манипуляции сознанием. Именно страх и тревога часто становятся основой сюжетов в англоязычных СМИ, где Россия преподносится как угроза мировой безопасности и стабильности.

Манипуляция сознанием осуществляется благодаря применению различных манипулятивных техник, которые представляют собой целенаправленные приемы и методы воздействия на восприятие, мышление и поведение индивидов или масс, с целью формирования нужных установок и реакций. Манипулятивные техники являются инструментами, посредством которых субъект воздействия достигает скрытых целей, влияя на эмоциональную и когнитивную сферы объекта манипуляции.

Согласно определению, предложенному С. Г. Кара-Мурзой (2020), манипулятивная техника – это совокупность приемов и методов, используемых для скрытого воздействия на сознание человека или общества, которые обеспечивают искажение информации, создание ложных представлений и формирование необходимого эмоционального фона. Аналогично В. И. Левашов (Староверов, Левашов, 2009) определяет манипулятивные техники как скрытые методы социально-психологического воздействия, направленные на управление поведением и мышлением индивидов с целью достижения целей, противоположных интересам объектов воздействия.

Всесторонний анализ русофобского дискурса англоязычных СМИ позволил выделить несколько групп манипулятивных техник и приемов, которые направлены на формирование и усиление страха, недоверия и негативных стереотипов в отношении России:

1. Техники эмоционального воздействия. Использование страха, тревоги, угрозы и паники через сенсационные заголовки, драматичные описания событий и визуальные образы, вызывающие эмоциональный отклик. Примером служит гиперболизация военных или политических действий России как непосредственной угрозы безопасности Запада.

2. Техники информационного искажения. Они включают выборочный отбор фактов, контекстуальные подмены, подачу неполной или искаженной информации с целью создания негативного образа. Это может проявляться в одностороннем освещении конфликтов, умалчивании положительных аспектов сотрудничества с Россией и преувеличении негативных событий.

3. Техники создания иллюзии консенсуса. Такие техники подразумевают создание впечатления, что негативное отношение к России разделяет подавляющее большинство экспертов, политиков и общественности. Это достигается через цитирование однородных источников и игнорирование альтернативных точек зрения.

4. Техники апелляции к авторитетам и экспертам. Использование мнений «экспертов», которые подтверждают страх и опасения, связанные с Россией, что придает манипуляции видимость объективности и научности.

5. Техники конструирования врага. Постоянное формирование образа России как внешнего врага, угрожающего стабильности и безопасности западных стран, усиливает напряженность и оправдывает политические меры против России.

Далее приводятся ключевые приемы манипуляции русофобского дискурса. Эти приемы направлены на формирование у аудитории тревожных и враждебных установок по отношению к России, способствуя закреплению негативного восприятия и мобилизации общественного мнения на основе эмоций, а не объективного анализа фактов. На примерах из англоязычных СМИ продемонстрируем функционирование данных приемов:

1. Негативная номинация. В англоязычном медиадискурсе, особенно в контексте политических и международных событий, связанных с Россией, широко используется стратегия негативной номинации – лингвистический прием, направленный на формирование устойчиво негативного образа страны, ее руководства и политического курса. Такая лексика играет ключевую роль в манипулятивной риторике страха, активизируя эмоциональное восприятие и поддерживая бинарную оппозицию «свой – чужой», «демократия – угроза», «Запад – Россия»:

(1) *Russia will be a spoiler, not a leader* (The Guardian, 2021). / *Россия будет вредителем, а не лидером* (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – С. М.).

(2) *Mr. Putin will use his unfettered power to make changes he avoided before the vote* (The New York Times, 2024). / *Господин Путин будет использовать его неограниченную власть, чтобы добиться тех изменений, каких он избегал до выборов*.

(3) *Russia will use a pause in the war to accumulate such means and continue its aggression* (The New York Times, 2024). / *Россия воспользуется паузой в войне, чтобы накопить такие средства и продолжить свою агрессию*.

(4) *The mobilisation and nuclear threats announced by Putin will not help the aggressor in his quest to conquer and destroy Ukraine and Ukrainians* (The Telegraph, 2022). / *Мобилизация и ядерные угрозы, объявленные Путиным, не помогут агрессору в его стремлении завоевать и уничтожить Украину и украинцев*.

(5) *The partial mobilisation announced by President Vladimir Putin will lead to a massive tragedy* (The Telegraph, 2022). / *Частичная мобилизация, объявленная президентом Владимиром Путиным, приведет к масштабной трагедии*.

Примеры 1-5 содержат прагмемы (*“unfettered”* / неограниченный, *“aggression”* / агрессия, *“aggressor”* / агрессор, *“tragedy”* / трагедия) с негативным оценочным компонентом. Через скрытую модальность эти языковые единицы способствуют навязыванию определенной интерпретации событий и акторов, формируя у аудитории устойчивые ассоциативные связи между Россией и агрессией, насилием и страданием. Это усиливает манипулятивный потенциал дискурса и способствует закреплению предвзятого восприятия (Малявин, 2025).

2. Унификация идентичности и стереотипизация. Важным компонентом манипулятивной риторики страха в англоязычных медиа является не только использование негативно окрашенной лексики, но и более глубокие дискурсивные механизмы – такие как унификация идентичности и стереотипизация. Эти механизмы служат для редукции сложности социальной реальности, обезличивания и обобщения, что облегчает манипулятивное воздействие на массовое сознание:

(6) *A soulless Russia will collapse* (The Guardian, 2023). / *Бездушная Россия рухнет*.

(7) *Volodymyr Zelenskiy, in his nightly video address, denounced the strike as “yet another example of Russian madness”* (The Guardian, 2024). / *Владимир Зеленский в своем вечернем видеобращении объявил забастовку «еще одним примером русского безумства»*.

(8) *Still, Ms. Engqvist called high-level corruption in Russia “a feature, not a bug”* (The New York Times, 2024). / *Тем не менее, госпожа Энгквист назвала высокий уровень коррупции в России «характерная черта, а не дефект»*.

(9) *Russia’s strategy is one of divide and conquer* (The New York Times, 2024). / *Стратегия России – разделяй и властвуй*.

(10) *Russian leaders act with ruthless disregard for human life, embodying the cold, calculating nature of the Kremlin regime* (The Washington Post, 2022). / *Российские лидеры действуют с безжалостным пренебрежением к человеческой жизни, воплощая холодную, расчетливую сущность режима Кремля*.

Примеры 6-10 иллюстрируют действия механизмов унификации идентичности и стереотипизации, через которые Россия репрезентируется как однородный и негативно окрашенный субъект. Использование выражений вроде *“soulless Russia”*, *“Russian madness”*, *“divide and conquer strategy”* сводит сложную реальность к устойчивым упрощенным образам. Это облегчает восприятие заданной интерпретации и усиливает манипулятивное воздействие на аудиторию.

3. Бинарная оппозиция. Одним из центральных структурирующих принципов русофобского медиадискурса является бинарная оппозиция – универсальный прием смысловой организации, основанный на противопоставлении двух полярных категорий. В контексте политической коммуникации бинарные оппозиции играют важную роль в моральной стратификации мира: они упрощают картину реальности, разделяя ее на «добро» и «зло», «правильное» и «неправильное», «цивилизованное» и «варварское»:

(11) *European nations, meanwhile, are trying to ramp up production of key weapons and equipment, not only to maintain aid to Ukraine if the US withdraws support, but also to ensure their own security in the face of the Russian threat* (CNN, 2024). / Тем временем европейские страны пытаются нарастить производство ключевых видов оружия и оборудования не только для того, чтобы продолжить оказывать помощь Украине в случае прекращения поддержки со стороны США, но и для обеспечения собственной безопасности перед лицом российской угрозы.

(12) *The assets of the terrorist state and its affiliates should be used to support Ukraine, to protect lives and people from Russian terror* (The New York Times, 2023). / Имущество террористического государства и его партнеров должно быть использовано для поддержки Украины, чтобы защитить жизни и людей от российского террора.

(13) *Mr. Macron made his comments later in the day, calling Moscow's defeat indispensable for European security* (The New York Times, 2024). / Господин Макрон сделал свое заявление позже в тот же день, назвав поражение Москвы необходимым условием для безопасности Европы.

Примеры 11-13 ярко иллюстрируют использование бинарной оппозиции в русофобском медиадискурсе. В них прослеживается четкое противопоставление: Россия как угроза, источник террора и зла, в то время как Европа и Украина – жертвы, борющиеся за безопасность, мир и цивилизованные ценности. Такой подход упрощает восприятие сложной геополитической реальности, формируя однозначную моральную оценку и укрепляя нарратив «цивилизованный Запад против варварской России».

Рассмотренные приемы образуют интегрированную систему дискурсивных механизмов, направленных на когнитивное упрощение и эмоциональное конструирование негативных установок в отношении России.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Русофобский дискурс, рассматриваемый с позиции Теории управления страхом смерти, представляет собой не просто форму предвзятого отношения к России, но глубинный механизм, направленный на формирование и усиление страха смерти в массовом сознании. В центре такого дискурса – представление России как непосредственной угрозы существованию, источника террора, насилия и глобальной нестабильности. Подобная риторика активизирует экзистенциальную тревогу и мобилизует общественное мнение, заставляя людей инстинктивно искать защиту в рамках символических систем – идеологии, государственности, коллективной идентичности. Таким образом, можно утверждать, что русофобский дискурс носит страхообразующий характер.

2. Русофобский дискурс обладает высоким манипулятивным потенциалом. Через целенаправленное внушение страха, формирование образа врага и нагнетание чувства неотвратимой угрозы он воздействует на глубинные уровни психики – инстинкты самосохранения и коллективной безопасности. В таких условиях критическое восприятие информации притупляется, а эмоциональные реакции начинают преобладать над рациональными. Это позволяет с высокой эффективностью управлять общественным мнением, укреплять идеологическую лояльность, легитимизировать агрессивную внешнюю политику и подавлять инакомыслие. В результате русофобский дискурс становится инструментом не только информационного давления, но и психологического контроля.

3. Различные манипулятивные тактики и приемы, а именно приемы негативной номинации, унификации идентичности и стереотипизации и бинарной оппозиции являются ключевыми инструментами манипуляции сознанием и внушения страха в русофобском дискурсе. Они формируют упрощенный и негативный образ России, усиливают восприятие ее как угрозы и снижают критическое восприятие информации. Благодаря этому дискурс эффективно воздействует на массовое сознание, усиливая страх и консолидируя общественное мнение.

Перспективы дальнейших исследований связаны с углубленным анализом механизмов воздействия русофобского дискурса на психологию аудитории, включая изучение эмоциональных и когнитивных реакций на манипулятивные приемы. Также важным направлением является разработка эффективных методов противодействия и нейтрализации страхообразующих и манипулятивных стратегий в медиапространстве.

Материалы исследования | Research materials

1. Мюллер В. К. Англо-русский русско-английский словарь: 120000 слов. Современная редакция. М.: ЛадКом, 2013
2. Alliance of Democracies Foundation. <https://allianceofdemocracies.org/about>
3. CNN. Cable News Network. <https://edition.cnn.com/>
4. Merriam-Webster Dictionary. www.merriam-webster.com
5. Oxford English Dictionary. www.oed.com
6. The Guardian. www.theguardian.com/international
7. The New York Times. www.nytimes.com
8. The Telegraph. www.telegraph.co.uk
9. The Washington Post. www.washingtonpost.com

Источники | References

1. Багдасарян В. Э. Антирусские исторические мифы. СПб.: Питер, 2016.
2. Гуров В. А., Ширинянц А. А. «Русофобия»: слово и смыслы // Тетради по консерватизму. 2023. № 1. <https://doi.org/10.24030/24092517-2023-0-1-231-237>
3. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: УРСС, 2001.

4. Денисов М. А., Хорошева Н. В. Проблема определения термина «Манипулирование» в работах российских исследователей // Политическая лингвистика. 2015. № 2.
5. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, 1997.
6. Зейгарник Б. В. Патопсихология. М.: Издательство Московского университета, 1986.
7. Зелинский С. А. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание. СПб.: СКИФИЯ, 2008.
8. Ильин А. Н. Русофобия. СПб.: Питер, 2018.
9. Кара-Мурза С. Г. Власть манипуляции. М.: Академический проект, 2007.
10. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2020.
11. Лазарев В. М. Психология манипуляции: как не стать жертвой манипулятора. М.: Эксмо, 2017.
12. Малявин С. Г. Прагмемы как инструмент манипуляции сознанием в английских медиатекстах: роль в распространении русофобской идеологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. № 6. <https://doi.org/10.30853/phil20250343>
13. Неменский О. Б. Русофобия. М.: РИСИ, 2014. Вып. 5.
14. Неменский О. Б. Русофобия как идеология // Вопросы национализма. 2013. № 1 (13).
15. Никитин В. Н. Русофобия: суть и методы сдерживания. Псков: Псковский государственный университет, 2017.
16. Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004.
17. Рябова М. Ю. Русофобия как коммуникативная стратегия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 11. <https://doi.org/10.30853/phil20220601>
18. Саенко В. Н. Развитие социологических представлений о признаках манипуляции сознанием // Социология и право. 2020. № 4. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2020-4-55-64>
19. Староверов В. И., Левашов В. И. Манипулирование общественным мнением: социологические аспекты анализа // Социология власти. 2009. № 4.
20. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука конца 20 века: сборник статей. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1995.
21. Таньшина Н. П. Русофобия: история изобретения страха. М.: Концептуал, 2023а.
22. Таньшина Н. П. Страшные сказки о России. Классики европейской русофобии и не только. СПб.: Питер, 2023б.
23. Туркулец А. В., Туркулец С. Е. Русофобия в контексте социальной стигматизации // Общественные науки и современность. 2023. № 4. <https://doi.org/10.31857/S0869049923040068>
24. Ухтомский А. А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002.
25. Хомский Н. Новый военный гуманизм: Уроки Косова. М.: Праксис, 2002.
26. Чалдини Р. Психология влияния. СПб.: Питер, 2006.
27. Шафаревич И. Р. Русофобия. М.: Эксмо, 2005.
28. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием / пер. с англ.; предисл. Я. Н. Засурского. М.: Мысль, 1980.
29. Ширинянц А. А. Еще раз о русофобии: к вопросу о концептуализации // История. Историки. Источники. 2024. № 2.
30. Шишков Г. М. Управляемое омассовление. М.: Проспект, 1999.
31. Эллюль Ж. Пропаганда: формирование человеческих установок / пер. с фр. В. В. Лазарева. М.: NOTA BENE, 2002.
32. Arnheim R. Entropy and Art: An Essay on Disorder and Order. Berkeley: University of California Press, 1971.
33. Rosenblatt A., Greenberg J., Solomon S., Pyszczynski T., Lyon D. Evidence for Terror Management Theory I: The Effects of Mortality Salience on Reactions to Those Who Violate or Uphold Cultural Values // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. Vol. 57. № 4.
34. Yalom I. D. Existential Psychotherapy. N. Y.: Basic Books, 1980.

Информация об авторах | Author information

Малявин Сергей Геннадьевич¹

¹ Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина

Sergei Gennadevich Maliavin¹

¹ Bunin Yelets State University

¹ malyavin.sergey@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 09.08.2025; опубликовано online (published online): 31.10.2025.

Ключевые слова (keywords): русофобский дискурс; внушение страха смерти; экзистенциальный страх; манипулятивные техники; манипулятивные приемы; Russophobic discourse; suggestion of death anxiety; existential fear; manipulative techniques; manipulative methods.